

DOI: 10.24412/2587-7844-2024-1-94-102

УДК 82.09

РАЗНОНАПРАВЛЕННОЕ ДВУГОЛОСООЕ СЛОВО В РАССКАЗЕ М. ЭТВУД «ФАНТАЗИИ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ»

Л.С. Кучмаренко (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Маргарет Этвуд по праву считается наиболее исследуемым автором канадской литературы, но ее малая проза по-прежнему остается на периферии внимания современных литературоведов. В центре внимания исследования – реализация разнонаправленного двуголосого слова как основной нарративной стратегии рассказа М. Этвуд «Rape fantasies» [Atwood, 1977].

Целью статьи стал анализ репрезентации разнонаправленного двуголосого слова как способа рефлексии о сексуальном насилии в рассказе М. Этвуд.

Обзор научной литературы по проблеме. Рассказ «Фантазии об изнасиловании» лишь трижды привлек внимание исследователей [Jacobsen, 1996; Workman, 2000; Năstase, 2018]. Однако ни одна из этих работ не рассматривает текст рассказа с точки зрения теории диалогизма.

Материалом исследования послужил текст рассказа М. Этвуд «Rape fantasies» [Atwood, 1977].

Теоретической базой стали классификация разновидностей двуголосого слова М.М. Бахтина, а также труды представителей феминистской теории литературы, посвященные рассмотрению произведений М. Этвуд и репрезентации насилия в литературе (Т. Хоррек, С. Джакобсен, К. Гиллиган, Н. Воркман и др.).

Основные методы исследования: нарратологический, семантический и структурно-типологический.

Результаты исследования. В статье анализируется рассказ М. Этвуд «Фантазии об изнасиловании» (“Rape fantasies”, 1977) в свете теории диалогизма М.М. Бахтина и прослеживается процесс формирования разнонаправленного двуголосого слова.

Заключение. Анализ репрезентации разнонаправленного двуголосого слова в рассказе М. Этвуд «Фантазии об изнасиловании» демонстрирует, что эта структурообразующая нарративная стратегия позволяет писательнице транслировать позицию героини, подсознательно воспринимающей себя потенциальной жертвой насилия.

Ключевые слова: Маргарет Этвуд, канадская литература, Бахтин, диалогизм, изнасилование, феминистская теория литературы, проблема самоидентификации, полифония, двуголосое слово, пародия.

Постановка проблемы. Несмотря на то что Маргарет Этвуд (род. 1939 г.) по праву считается наиболее исследуемым автором канадской литературы, ее малая проза по-прежнему остается на периферии внимания современных литературоведов. Из восьми диссертаций, написанных на русском языке в период с 2006 по 2021 г., в материале которых присутствует хотя бы одно произведение М. Этвуд, лишь две работы включают в материал исследования произведения малой прозы [Рыжих, 2018; Бережная, 2020]. В основном в фокусе внимания исследователей оказываются романы писательницы. Нарративный анализ малой прозы М. Этвуд ранее системно не предпринимался.

Целью статьи стал анализ репрезентации разнонаправленного двуголосого слова как способа рефлексии о сексуальном насилии в рассказе М. Этвуд «Фантазии об изнасиловании».

Обзор научной литературы по проблеме. В англоязычном сегменте, как показывает статистический анализ данных портала Global ETD Search, из 111 научных работ, написанных в период с 1986 по 2021 г., находим лишь три диссертации, посвященные малой прозе М. Этвуд (в остальных 108 анализируются романы и поэзия) [Leung, 2010; Tennant, 1991; Thompson, 1986]. Подобное соотношение свидетельствует о недостаточной степени изученности и актуальности обращения к малой прозе М. Этвуд. Что касается рассказа «Фантазии об изнасиловании», он, как нам удалось обнаружить, лишь трижды привлек внимание исследователей [Jacobsen, 1996; Workman, 2000; Năstase, 2018]. Однако следует отметить, что ни одна из этих работ не рассматривает текст рассказа с точки зрения теории диалогизма. Каждая из статей посвящена анализу одного определенного аспекта, раскрывающегося в рассказе. С. Джакобсен рассматривает тему идентичности, Н. Воркман анализирует концепт уязвимости, Ф. Настасе пишет о репрезентации симуляции и виртуальности в рассказе. Выводы, к которым пришли исследовательницы, чрезвычайно важны для дальнейшей разработки методов анализа малой прозы М. Этвуд, однако, как нам представляется, не исчерпывают значение этого текста и его место в творчестве писательницы.

Материалом исследования послужил текст рассказа М. Этвуд «Rape fantasies» («Фантазии об изнасиловании») [Atwood, 1977].

Методологической и теоретической базой стали теория диалогизма М.М. Бахтина, а именно классификация разновидностей двуголосого слова, представленная в «Проблемах поэтики Достоевского», а также труды представителей феминистской теории литературы, посвященные рассмотрению произведений М. Этвуд и репрезентации насилия в литературе (Т. Хоррек, С. Джакобсен, К. Гиллиган, Н. Воркман и др.).

Основные методы исследования: нарратологический, семантический и структурно-типологический.

Рассказ «Rape fantasies» («Фантазии об изнасиловании») был опубликован в составе сборника «Танцующие девушки» («Dancing girls») в 1977 г. Сюжет как таковой в рассказе отсутствует. Экспозиция рассказа построена на описании дискуссии женщин, увлеченных игрой в бридж и попутно обсуждающих вопрос сексуального насилия. Основная часть повествования представляет собой трансляцию работы воображения и мыслей главной героини на заданную в сюжетной раме тему. Тема фантазий об изнасиловании вводится в женскую непринужденную беседу одной из героинь, прочитавшей статью под таким названием в глянцево-м журнале. Обращает на себя внимание комментарий главной героини Эстель, характеризующий статус темы изнасилования в медиадискурсе 1970-х: «Об этом пишут заглавными буквами на обложках журналов, внутри которых можно найти анкеты-опросники типа тех, что раньше помогали выяснить, была ли ты

достаточно хорошей женой, эндоморфом или эктоморфом¹, помните такие? С подсчетом очков, напечатанным в перевернутом виде на странице 73. ИЗНАСИЛОВАНИЕ, ДЕСЯТЬ РЕКОМЕНДАЦИЙ – как будто бы это статья про 10 новых причесок или типа того» [Atwood, 1977, p. 92] (здесь и далее перевод наш. – Л.К.). Как отмечает Нэнси Воркман в своей статье, посвященной интересующему нас рассказу, «вплоть до середины 1970-х изнасилование рассматривалось как криминологами, так и широкой общественностью как мелкое уличное преступление. Только с подъемом женского движения и появлением таких исследований, как работа Сьюзен Браунмиллер “Против нашей воли: мужчины, женщины и изнасилование” (1975), были сформулированы альтернативные квалификации преступлений против женщин» [Workman, 2000, p. 136]. Подобное представление об изнасиловании как о незначительном проступке, не заслуживающем серьезной общественной дискуссии, отразилось не только в медиадискурсе, но и восприятии самих женщин. Предваряя передачу дискуссии женщин на тему фантазий об изнасиловании, главная героиня отмечает: «На работе все постоянно говорят об этом, потому что какой бы ты журнал ни открыла, тебе сразу бросаются в глаза заголовки статей об этом. То же самое по телевизору» [Atwood, 1977, p. 92].

Несмотря на то что рассказ написан в форме повествования от первого лица (читатель смотрит на события глазами главной героини Эстель), ее речь представляет собой лоскутное одеяло, состоящее из журнальных штампов и чужих точек зрения на изнасилование, оформленное при помощи саркастической интонации. Комментируя такую особенность женского дискурса, как ориентация на слово Другого, американский психолог и социолог Кэрол Гиллиган, автор исследования, посвященного попыткам определить место женщины в жизненном цикле мужчины, отмечает: «Понимание потребностей и нужд других и чувство ответственности за них приводит к тому, что женщины прислушиваются к голосам других больше, чем к своему собственному, и учитывают в своих суждениях взгляды других людей. Моральная слабость женщин, выражающаяся в неопределенности и запутанности суждений, неотделима от их нравственной силы, от того, что приоритетом для них являются отношения с другими людьми и ответственность за них. Нежелание формулировать суждение может само по себе свидетельствовать о связи с другими и об ориентации на других, пронизывающих психологию развития женщины и являющихся причиной того, что обычно считается слабостью женской психологии» [Гиллиган, 2000, с. 179].

Основной нарративной стратегией, при помощи которой М. Этвуд транслирует точку зрения главной героини, становится пародийная анекдотизация. Под анекдотизацией в данном случае мы понимаем способ артикуляции опыта персонажа, предполагающий его перенос из сферы серьезного в сферу комического. Следует отметить, что анекдотизация является типичным приемом, при помощи которого М. Этвуд транслирует опыт персонажей своих рассказов.

¹ Эндоморф – тип телосложения человека, склонного к полноте.

Эктоморф – тип телосложения человека, характеризующийся длинными конечностями и узкими плечами.

Литературовед П. Макгрэт, исследовавший функции анекдота в малой прозе М. Этвуд, предлагает определять анекдот как «способ побега от реальности» [McGrath 2010, p. 11], к которому обращаются персонажи рассказов канадской писательницы. С подобным приемом мы сталкиваемся в рассказах «Болотный человек» («The Bog Man», 1991), «Путевые заметки» («A Travel Piece» 1977) и др.

Тип дискурса, основанный на пародировании слова Другого, М.М. Бахтин предложил называть разнонаправленным двуголосым словом. В «Проблемах поэтики Достоевского» М.М. Бахтин предлагает классификацию типов прозаического слова, в соответствии с которой «слово с установкой на чужое слово (двуголосое слово)» подразделяется на следующие подтипы:

- 1) однонаправленное двуголосое слово (стилизация, рассказ рассказчика и др.);
- 2) разнонаправленное двуголосое слово (различные виды пародии);
- 3) активный тип: отраженное чужое слово [Бахтин, 2002, с. 222].

Следует отметить и то, что в рамках концепции Бахтина, перволичное повествование (*Ich-Erzählung*) и разнонаправленное двуголосое слово не являются взаимоисключающими типами дискурса. Напротив, характеризуя подвиды разнонаправленного двуголосого слова, ученый среди прочих выделяет пародийную версию *Ich-Erzählung*. Комментируя отличие разнонаправленного двуголосого слова от остальных видов дискурса, Бахтин поясняет, что под этим термином он понимает «пародийное слово во всех его разновидностях» [Бахтин, 2002, с. 222].

Характеризуя такие явления, как стилизация, пародия, сказ и диалог, Бахтин именует эти явления «металингвистическими» [Бахтин, 2002, с. 219] и поясняет: «Всем этим явлениям, несмотря на существенные различия между ними, присуща одна общая черта: слово здесь имеет двойное направление – и на предмет речи как обычное слово и на другое слово, на чужую речь» [Бахтин, 2002, с. 222].

«Двуголосие», направленность на слово Другого, звучит уже в самом названии рассказа. Английская исследовательница Таня Хоррек, автор монографии о репрезентации сексуального насилия в художественной литературе и кинематографе, отмечает: «Выражение “фантазия об изнасиловании” обычно понимается в феминистском дискурсе двойко: с одной стороны, оно описывает зловещие мужские фантазии о насилии над беспомощными женщинами; с другой – под ней понимаются так называемые “женские фантазии об изнасиловании”, в которых женщины фантазируют о сексуальном насилии со стороны мужчин (тема, получившая распространение в популярных женских романах и ставшая красной тряпкой для феминисток» [Hogrefe, 2004, p. 3].

Перейдем к конкретным примерам пародирования чужого слова в нарративе Эстель. Еще до того как героиня начинает делиться с подругами своими «фантазиями» об изнасиловании, она высмеивает реплики каждой из них. К примеру, когда ее коллега Грета говорит, что мечтает о том, чтобы в ее квартиру на восемнадцатом этаже через балкон при помощи веревки и скалолазного крюка пробрался таинственный незнакомец, Эстель саркастически комментирует: «Как Тарзан, что ли?» [Atwood, 1972, p. 95]. Когда Крисси сообщает о том, что в ее фантазии об изнасиловании она лежит в ванной, без одежды,

Эстель перебивает ее: «Разве кто-то принимает ванну в одежде?» – и добавляет: «В конце концов, тебе еще и пена может в нос попасть» [Atwood, 1972, p. 95]. Выслушав «фантазии» подруг, Эстель восклицает: «Послушайте, все это не является фантазиями *об изнасиловании*, вы просто описываете какого-то парня, с которым вы формально не знакомы, он оказывается привлекательнее среднестатистического мужчины, и с ним вы хорошо проводите время. Изнасилование – это когда у него есть нож или что-то еще и ты не хочешь, чтобы это произошло» [Atwood, 1972, p. 96]. Данная реплика резко выбивается из интонационного портрета Эстель, поскольку, в отличие от большинства ее высказываний, содержит претензию на серьезность. Несмотря на то что Эстель пытается иронизировать по поводу любого комментария на данную тему, угроза сексуального насилия все-таки является предметом серьезной внутренней рефлексии главной героини.

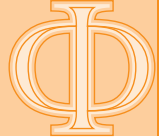
В ответ на просьбу подруг поделиться своей фантазией Эстель отвечает: «Ладно, я расскажу. Я иду по темной улице ночью, и этот парень подходит и хватается меня за руку. У меня в сумочке лимонная кислота, знаете, в журналах всегда пишут, что ты всегда должна носить ее с собой? На самом деле я этого не делаю, я пробовала однажды, но эта чертова штука растеклась по всей моей чековой книжке, но представим, что она у меня есть, и я говорю ему: “Ты собираешься меня изнасиловать, верно?” – и он кивает, поэтому я открываю свою сумочку, чтобы достать пластиковый лимон, и не могу его найти! Моя сумочка полна всего этого хлама, салфеток Kleenex, сигарет, мелочи, помады, водительских прав, ну вы сами знаете. Поэтому я прошу его протянуть руки, вот так, и складываю в них весь этот хлам, а на дне лежит пластиковый лимон, и я не могу снять крышку. Так что я протягиваю его ему, и он очень услужлив, он откручивает крышку и протягивает ее мне, а я брызгаю ему в глаз» [Atwood, 1972, p. 96]. В этой комической зарисовке Эстель очевидным образом высмеивает не только «фантазии об изнасиловании», озвученные коллегами, но и советы, предназначенные для читательниц глянцевого журналов. Комментируя попытки Эстель представить ситуацию воображаемого изнасилования в комическом ключе, румынская исследовательница Ф. Настасе, автор статьи, посвященной анализу симуляции и виртуальности в данном рассказе, отмечает: «Навязчивое желание Эстель симулировать потенциальное изнасилование уводит ее все дальше и дальше от реальности самого акта. Во многих случаях она превращает ситуацию в юмористическую шутку, например, когда преступник должен держать ее сумочку, пока она ищет пластиковый лимон, чтобы брызнуть ему в глаз, или когда она помогает ему найти дерматолога, чтобы избавиться от прыщей» [Năstase, 2018, p. 134].

Обеденный перерыв подходит к концу, но Эстель продолжает думать о возможных сценариях изнасилования. Перед читателем разворачиваются несколько гипотетических ситуаций, описанных в том же комическом ключе. Однако теперь Эстель не делится своими фантазиями с подругами, а лишь прокручивает возможные сценарии у себя в голове. В первом – лицо насильника оказывается покрыто прыщами и попытка изнасилования заканчивается тем, что Эстель дает ему контакт своего дерматолога, который когда-то помог ей с той же проблемой,

утешает расплакавшегося мужчину и убеждает его в том, что когда-нибудь у него все получится. В следующем сценарии простуженный насильник вламывается в спальню главной героини, которая тоже простужена, она делится с ним салфетками и спреем от насморка, и попытка изнасилования заканчивается тем, что они вместе смотрят телевизор. (В этом эпизоде комическое звучание усиливается особой фонографической передачей речи насильника, страдающего от сильного насморка: «I’b goig do rabe you <...>Id’s ride here» [Atwood, 1972, p. 99].) В третьем сценарии Эстель сообщает нападающему, что у нее лейкоemia, на что он отвечает, что тоже страдает от этой болезни, и они доживают остаток своих дней вместе в любви и согласии. По утверждению Нэнси Воркман, «в целом ни один из “насильников” не внушает ни страх, ни ужас. Ни один из них не похож на того, кто мог бы совершить насилие над женщиной» [Workman, 2000, p. 134].

Результаты исследования. Итак, анализ разнонаправленного двуголосого слова в рассказе М. Этвуд «Фантазии об изнасиловании» демонстрирует, что во всех проецируемых ситуациях главная героиня проявляет эмпатию к насильнику, поскольку (в мире, порожденном ее воображением) ей знакомы его проблемы – будь то акне, простуда или рак. Наделяя насильника определенными чертами уязвимости, свойственными ей самой, главная героиня предпринимает попытку установления диалогических отношений с ним. Если рассматривать акт сексуального насилия с точки зрения теории диалогизма Бахтина, мы можем охарактеризовать его как действие, принадлежащее сфере монологического, поскольку оно отрицает волю Другого. Отношения насильника и жертвы возможно проинтерпретировать исключительно как субъект-объектные отношения, отрицающие субъектность жертвы. В финале рассказа Эстель задается вопросом: что на самом деле может помочь избежать изнасилования? И приходит к следующему выводу: «Думаю, всегда лучше попытаться завязать разговор. Потому как парень вряд ли сможет сделать это с той, с которой у него только что был долгий разговор. Как только вы дадите ему понять, что вы человек, у вас тоже есть жизнь, я не представляю, как он может продолжить свои попытки, разве не так? Нет, я знаю, что такое случается, но я просто не понимаю, как. Это то, чего я действительно не понимаю» [Atwood, 1972, p. 102]. В своем рассуждении Эстель не случайно апеллирует к значимости разговора, диалога. Попытка установить диалог, хотя бы воображаемый, с предполагаемым агрессором становится для Эстель единственным возможным способом понять логику поведения агрессора и уберечь себя от того, что может случиться с каждой.

Заключение. Анализ репрезентации разнонаправленного двуголосого слова как способа рефлексии о сексуальном насилии в рассказе М. Этвуд «Фантазии об изнасиловании» демонстрирует, что эта структурообразующая нарративная стратегия позволяет писательнице транслировать позицию героини, подсознательно воспринимающей себя потенциальной жертвой насилия. Основным инструментом реализации разнонаправленного двуголосого слова здесь становится анекдотизация, которая передает травматический опыт гипотетической жертвы насилия и артикулирует рефлексии перманентного страха возможного столкновения



с агрессором. Рассмотрение разнонаправленного двуголосого слова на материале рассказа М. Этвуд «Фантазии об изнасиловании» показывает, что анализ произведений малой прозы М. Этвуд с позиции теории диалогизма является необходимым для описания нарратологического устройства рассказов канадской писательницы и определения того места, которое они занимают как в ее творчестве, так и в литературе конца XX – начала XXI в.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 799 с.
2. Бережная М.С. Образ «своей комнаты» в современном женском рассказе (на материале англоязычной малой прозы середины XX начала XXI века). М., 2020. 203 с.
3. Гиллиган К. Место женщины в жизненном цикле мужчины // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 300 с.
4. Рыжих М.В. Семиотические основания жанра авторской (литературной) сказки (на материале текстов сказок XX–XXI вв.). М., 2018. 187 с.
5. Atwood M. Rape fantasies // *Dancing girls*. New York: Anchor Books, 1977. P. 92–104.
6. Horreck T. *Public rape: representing violation in fiction and film*. London: Routledge, 2004. 198 p.
7. Jacobsen S. «Themes of Identity in Atwood’s Poems and “Rape Fantasies”». *Approaches to Teaching Atwood’s The Handmaid’s Tale and Other Works* / Ed. Sharon Wilson, Thomas B. Friedman, and Shannon Hengen. New York: MLA, 1996. P. 70–76.
8. Leung E. *The quest for recognition : a thematic exploration in Jane Eyre, Villette, Cat’s eye and Moral disorder* The Chinese University of Hong Kong, 2010. 147 p.
9. McGrath P.D. Anecdote as escape from reality in short fiction of M. Atwood // *Journal of Nagoya Gakuin University; LANGUAGE and CULTURE*. 2010. 22 (1). P. 11–16.
10. Năstase F. *Simulation and Virtuality in Margaret Atwood’s “Rape Fantasies”// Radical Definitions*. 2018. 3. P. 131–137.
11. Tennant C.G. *Margaret Atwood’s transformed and transforming gothic*. Ohio State University, 1991. 203 p.
12. Thompson D. *A politics of memory: cognitive strategies of five women writing in Canada*, The university of Alberta, 1986. 201 p.
13. Workman N. *Vulnerability in Margaret Atwood’s “Rape Fantasies”: a game of cards about life* // *Studies in Canadian literature*. 2000. 25 (2). P. 131–144.

Сведения об авторе

Кучмаренко Лилия Сергеевна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: lilyaetro@gmail.com

MULTIDIRECTIONAL DOUBLE-VOICED DISCOURSE IN M. ATWOOD'S SHORT STORY "RAPE FANTASIES"

L.S. Kuchmarenko (Saint-Petersburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Despite the fact that Margaret Atwood is rightfully considered the most researched author of Canadian literature, her short fiction still remains on the periphery of the attention of modern literary critics. This article analyzes M. Atwood's short story "Rape Fantasies" (1977) in the light of M.M. Bakhtin's theory of dialogism and traces the process of formation of a multidirectional double-voiced discourse.

The purpose of the article is to analyze the representation of the multidirectional double-voiced discourse as a way of reflection on sexual violence in "Rape Fantasies" by M. Atwood.

Review of scientific literature on the problem. The "Rape Fantasies" short story has attracted the attention of researchers only three times [Jacobsen, 1996; Workman, 2000; Nastase, 2018]. However, none of these works examines the text of the short story from the point of view of dialogical theory.

The research material is the text of M. Atwood's short story "Rape Fantasies" [Atwood, 1977].

The theoretical base is M.M. Bakhtin's classification of varieties of the double-voiced discourse, as well as the works of representatives of feminist literary theory devoted to the consideration of the works of M. Atwood and the representation of violence in literature (T. Horrek, S. Jacobsen, C. Gilligan, N. Workman, etc.).

Basic research methods are narratological, semantic, and structural-typological. *Research results.* This article analyzes M. Atwood's short story "Rape Fantasies" (1977) in the light of M.M. Bakhtin's theory of dialogism, the process of formation of a multidirectional two-voiced discourse is traced.

Conclusion. The analysis of the representation of the multidirectional double-voiced discourse in the short story "Rape Fantasies" by M. Atwood demonstrates that this structure-forming narrative strategy allows the writer to convey the position of the heroine, who subconsciously perceives herself as a potential victim of violence.

Keywords: Margaret Atwood, Canadian literature, Bakhtin, dialogism, rape, feminist literary theory, problem of self-identification, polyphony, double-voiced discourse, parody.

References

1. Atwood M. Rape fantasies // Dancing girls. New York: Anchor Books, 1977. P. 92–104.
2. Bakhtin M.M. Problems of Dostoyevsky's Poetics // Bakhtin M.M. Collected Works: in 7 volumes. Moscow: Russian Dictionaries: Languages of Slavic Culture, 2002. Vol. 6. 799 p.
3. Berezhnaya M. The image of "the room of one's own" in modern female short fiction (on the basis of English short fiction of the middle of the 20th – the beginning of the 21st centuries). Moscow, 2020. 203 p.
4. Gilligan C. Woman's Place in Man's Life Cycle // Anthology of the feminist's texts, Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin's publishment, 2000. 300 p.



5. Horreck T. Public rape: representing violation in fiction and film. London: Routledge, 2004. 198 p.
6. Jacobsen, Sally. "Themes of Identity in Atwood's Poems and 'Rape Fantasies.'" Approaches to Teaching Atwood's *The Handmaid's Tale* and Other Works. Ed. Sharon Wilson, Thomas B. Friedman, and Shannon Hengen. New York: MLA, 1996. P. 70–76.
7. Leung E. The quest for recognition : a thematic exploration in Jane Eyre, Vilette, Cat's eye and Moral disorder The Chinese University of Hong Kong, 2010. 147 p.
8. McGrath P.D. Anecdote as escape from reality in short fiction of M. Atwood // Journal of Nagoya Gakuin University; LANGUAGE and CULTURE. 2010. 22 (1). P. 11–160.
9. Năstase F. Simulation and Virtuality in Margaret Atwood's "Rape Fantasies" // Radical Definitions. 2018. 3. P. 131–137.
10. Ryzhych M., Semiotic foundations of the genre of literary fairytale (on the basis of fairytales of 20–21 century). Moscow, 2018. 187 p.
11. Tennant C.G. Margaret Atwood's transformed and transforming gothic, Ohio State University, 1991. 203 p.
12. Thompson D.A politics of memory: cognitive strategies of five women writing in Canada, The university of Alberta, 1986. 201 p.
13. Workman N. Vulnerability in Margaret Atwood's "Rape Fantasies": a game of cards about life // Studies in Canadian literature. 2000. 25 (2). P. 131–144.

About the author

Kuchmarenko, Liliia Sergeevna – PhD Candidate, Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); e-mail: lilyaetro@gmail.com